

Призрак коммунизма

Западная Европа вступила в постиндустриальную эпоху: непродолжительный рабочий день, автоматизация и свободное творчество вместо изнурительного физического труда.

Теперь настоящих пролетариев можно найти только где-нибудь в Китае или Индии. А там, где благосостояние стало всеобщим, гражданское общество, уважаемые политики и пресса уже всерьез обсуждают новую версию еврокоммунизма — как получать деньги и не работать, как молодость сделать вечной, как достичь всеобщего равенства. Но не станут ли люди тосковать по традиционной работе от звонка до звонка, когда утопия станет реальностью? Корреспондент «РР» попыталась выяснить, как видят будущее в сегодняшней Германии, на родине Маркса и Энгельса.

Индонезийские девочки

«Кризис? Да нет у нас никакого кризиса. У нас всегда кризис», — так могут говорить только здесь. Это — Берлин, *am, aber sexy*, «бедный, но сексуальный», место для бездельников и пацифистов, самый дешевый мегаполис в мире, город вечной молодости и вечной безработицы. Если в солнечный будний день пройтись по улицам молодежного Кройцберга или Пренцлауэрберга, складывается впечатление, что в Берлине вообще никто не ходит на работу: здесь сидят с книжкой в парке, играют музыку, защищают права голубых, помогают беженцам, снимают фильмы о них,

делают выставки, курят гашиш и никуда не торопятся. На каждом перекрестке — кафе, в каждой подворотне — галерея. Любой бармен по совместительству художник, и наоборот.

Но биржа труда, наверное, главное место в любом квартале Берлина: тут добывают деньги. Особенно в Нойкельне, одном из самых «проблемных» районов, где живут турки и богема. Два раза в месяц безработные приходят сюда отчитываться о своих делах, о доходах и расходах, квадратных метрах, поисках работы и связанных с ними депрессиях... «Не фотографируйте, тут вам не зоопарк...» В бесконечной очереди из турок, совкового вида алкоголиков, мрачных мамаш с колясками довольно много очень милых людей, по виду которых невозможно что-то сказать об их жизненном опыте.

— Я научный работник, — говорит мне приветливая сорокалетняя фрау в детской хипповой фуфайке с разноцветными квадратами, — получила степень по математике и теперь не могу найти стипендию, соответствующую новому статусу. Но еще полгода я буду получать 60% от зарплаты, а потом какое-то время проживу на пособие: лучше дожидаться хорошего предложения, чем соглашаться на плохое.

— Не странно вам оказаться в такой компании?

— Да нет, ничего. В Берлине так много безработных, что никто пальцем тыкать не будет.

За ученой дамой в очереди стоит симпатичное бесполое существо с дредами — то ли 17-летний подросток, то ли очень худосочная тетенька. Существо обаятельно улыбается: «А я — учительница танцев». Учительницу зовут Хайке, у нее двухлетняя дочка, на фултайм-работу времени нет. Впрочем, Хайке, кажется, и не горит желанием каждый день вставать по будильнику: «Два раза в неделю работаю с детьми в школе, а в свободное время делаю свои танцевальные проекты, они совсем некоммерческие — для интеллектуалов». Пособия по безработице, по ее словам, хватает ровно на то, чтобы покупать самую простую еду и снимать скромную квартиру: «Фрукты уже не можешь себе позволить». У Хайке звонит телефон, и она быстро говорит что-то по-португальски. «Мой партнер из Бразилии, — поясняет она, имея в виду гражданского мужа, — тоже журналист, кстати. Безработный, как и я. Хотя мы не женаты, ему дали гражданство — потому что он отец немецкого ребенка и повышает нашу рождаемость. Фашистские законы».

Блошинный рынок.
Катарина и Мартин в
ожидании покупателей

— Почему вы все такие молодые? — спрашиваю я своих друзей Арне и Олдага, работающих в бундестаге. — Почему немцы учатся до 30 лет, находят работу, дай бог, в 35, а детей заводят в 40?

— Ну, это сложный вопрос, — отвечает Арне. — Но если мы с тобой выпьем очень много водки, то, в конце концов, я признаюсь, что это потому, что где-нибудь в Индонезии люди вынуждены работать с 15 лет, получая три евро в день. Это такая экономическая система, некоторые называют ее «капитализм»...

— Но сейчас-то все по-другому! Весь мир меняется, капитализм в кризисе...

— Я не думаю, что для Германии это многое изменит, — отвечает Олдаг. — У нас достаточно стабильная экономика. Если выразаться цинично, то я бы сказал, что теперь индонезийским девочкам будет работать еще тяжелее...

Где кончается молодость?

Катарина и Мартин — типичная берлинская гетеросексуальная пара. Они уже созрели для серьезной жизни, но пока не представляют себе, как ее устраивать. Оба — художники, занимаются видеоартом, кино, фотографией. Катарина — студентка операторского факультета Высшей киношколы в Потсдаме. Она получает небольшую стипендию, которую потом надо будет частично возвращать государству. Мартин уже закончил вуз, получил диплом по специальности «свободное искусство». После этого он работал учителем фотографии в школе, таскал кабель в телестудии, делал социальные проекты с детьми. Сейчас он перебивается редкими творческими заказами. Катарина еще два раза в неделю работает в баре через дорогу, это называется 400-euro-job: студенческий труд не облагается налогами, если зарплата не превышает 400 евро в месяц.

— Сначала я очень обрадовалась, когда меня взяли на работу, — говорит Катарина. — Хозяин заведения — наш приятель, мы вместе сдавали экзамены в киношколу, но он не поступил и вот решил открыть бар. Там хорошая, свободная атмосфера, играет приятная музыка, все очень стильное, обшарпанное, неформальное. Но на работе все строго: с утра надо в определенном порядке расставить стулья, приходится таскать тяжелые ящики с пивом, мыть всю посуду, двигать столы, холодильник должен быть всегда заполнен напитками, вечером опять надо взгромоздить стулья друг на друга. Все это, конечно, не так страшно, но мне кажется, я уже не в том возрасте, когда любая работа может быть полезна просто как опыт. Мне уже почти 30 лет, хочется делать что-то более серьезное. А деньги от государства капают на счет, и каждый месяц я понимаю, что вот мой долг стал еще больше.

— А что Мартин? Как он видит будущее?

— У него сейчас сложный период: он вдруг понял, что последние семь лет жизни он как будто прокурил и проспал. Теперь ему хочется срочно наверстать упущенное, но возможностей мало.

Биржа труда. Хайке, учительница танцев, живет на пособие по безработице и занимается некоммерческим творчеством

По выходным Катарина с Марином ходят на блошинный рынок продавать футболки и сумки. Сумки Мартин привез из Таиланда, а футболки авторские, с маленькими смешными рисунками. Ребята настроены вполне серьезно, они приходят на рынок в семь утра, чтобы занять хороший стол на видном месте. Но все равно никто не клюет: на соседних прилавках точно такая же тайская продукция, а футболки недостаточно «плакатного» вида, не бросаются в глаза. Да и вообще блошинный рынок — плохое место для бизнеса. Сюда больше ходят поглазеть, пообщаться, ну и купить что-то за три копейки.

Мы сидим на рынке целый день, пьем чай, скушаем. Изредка к нам подходят почему-то очень похожие друг на друга полные длинноволосые тетки: «Ах, какая прелесть! Это сумка моей мечты! Сорок евро? Ну, нет, нет...»

Вечереет. Вкусно пахнет восточными пирожками. На прилавках, освещенных розовым закатным солнцем, начинается возня: продавцы аккуратно сворачивают свои лотки, упаковывая все эти чудесные механические штучки, деревянные игрушки, старые книжки, пластинки, самодельные украшения. Особенно меня радуют фотографии: блошинный рынок у них — как фотосайт. Сделал фотографию, напечатал и стоишь с ней. Вряд ли кто-то купит, но хоть посмотрят.

Катарина с Марином так ничего и не продали. Усталые, они, переругиваясь, складывают свой товар в чемодан на колесиках. В конце концов Мартин, как Иисус Христос из рок-оперы, в гневе переворачивает стол. Футболки, сумки, ювелирные изделия и открытки с соседних прилавков летят на землю. Из глубины рынка доносятся гулкие звуки: это какой-то умелец играет «на флейте водосточных труб» — дует в пластмассовую конструкцию, собранную из обломков сантехники.

Немецкие романтики

Бетаниен — замок XVIII века, лет тридцать назад отданный на растерзание свободным художникам. В одной половине замка — мастерские и галереи. В другой — обшарпанный зал, со всех сторон заклеенный плакатами: «Мы не платим за ваш кризис!» «Капитализм — это рабство», «Давайте захватим аэропорт!» — ну и так далее. Перед замком большая зеленая поляна, на которой живописно расположилось несколько сотен немецких романтиков: у кого рога на голове, у кого — розовые дреды, один одет в эзотерическое сари, другая — в прозрачную тунику, третий — в воинственную кожаную куртку. Все очень серьезные: продают политическую литературу, варят макароны на всех 500 человек, режут салатик и обсуждают проблему «Как нам выйти из культурного подполья». Это конгресс анархистов. Вообще-то, он должен был состояться на территории одного из берлинских университетов, но в последний момент руководство передумало, и гостеприимный Бетаниен предоставил свое пространство для обсуждения левацких тем.

Я пошла на семинар, посвященный проекту «Пятичасовая рабочая неделя». Занятия проходят в одной из жилых комнат шедевра неоготики. Тесно, душно, анархисты сидят друг у друга на головах, на полу спит большая черная дворняга. Семинар ведет программист из Франкфурта, называющий себя Дарвином Данте, — добродушный 50-летний великан в очках, шортах, с хвостиком на голове. Он довольно известный анархист, уже лет десять разрабатывает программу пятичасовой рабочей недели, написал про это кучу книг, регулярно выступает с докладами, очень хороший оратор, может говорить часами. Дарвин приводит много цифр, рисует таблички, утверждая, что в самом ближайшем будущем технический прогресс позволит автоматизировать чуть ли не весь наемный труд: «Уже сейчас в Мюнхене запущены экспериментальные поезда метро без машинистов. Их можно было бы ввести повсеместно, но руководство боится делать это, опасаясь возмущения уволенных работников транспорта». По мнению Дарвина, «общество труда» (Arbeitsgesellschaft) должно в ближайшем будущем смениться какой-то новой формой.

В Берлине около миллиона турок. Как и все граждане страны, они имеют право на пособие

Разумеется, эта теория сразу вызывает много вопросов:

— Не будет ли такое общество излишне технократическим? Не кажется ли вам, что мы уйдем слишком далеко от природы? — спрашивает девушка с каннабисом на футболке.

— Ни в коем случае! У людей будет оставаться много времени на то, чтобы свободно заниматься ручным трудом, развивать экоселения...

— А кто будет преподавать в школах? Сидеть со стариками?

— Если людям совсем запретить работать, случится самая большая революция за всю историю человечества, — отвечает Дарвин. — Нет, конечно, люди будут работать. Они будут трудиться у себя в саду, заниматься своим образованием. Вы подумайте, сколько времени освободится на добрые дела! Всю социальную работу будут делать волонтеры.

— А налоги? Мы будем платить налоги за пять часов работы или как сейчас?

— Этот вопрос неуместен. В этом обществе никаких денег вообще не будет...

Дальше Дарвин Данте переходит к тому, как именно и почему отменят деньги, собственность и так далее. Разговор идет в какой-то странной плоскости научно-фантастического романа, это не вполне реальность и не вполне бред — как будто в самом начале рассуждения сделано некое произвольное допущение, а дальше все развивается строго по законам логики, «как будто мир качнется влево, качнувшись вправо» (у Бродского, правда, наоборот).

— Еще двести лет назад парламентская демократия казалась высшей стадией развития человечества. И никто не верил, что такое возможно. Но сейчас мы видим, что это далеко не конец. И я хочу, чтобы вы, молодые анархисты, работали над этим. Все друзья, с которыми я начинал когда-то, постепенно отошли от анархистского движения. У всех семья, дети, работа. Я тоже, между прочим, счастливый муж и отец, вот там, на лужайке, играют мои дети, но я не отказываюсь от идей своей молодости.

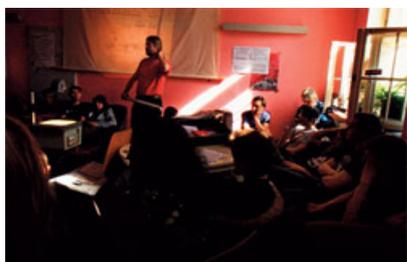
Бесплатный сыр

Может сложиться впечатление, что мечтать о пятичасовой рабочей неделе и бесплатном сыре — удел лодырей и маргиналов. Но это совсем не так: анархисты лишь довели до логического завершения идею, которая уже несколько лет занимает самые прогрессивные умы Германии.

Зимой этого года интеллигентная домохозяйка из Бранденбурга Сюзанна Вист направила в бундестаг петицию с предложением ввести «грундайнкоммен» — базовый доход для всех граждан страны в размере 1,5 тыс. евро на взрослого и 1 тыс. евро на ребенка ежемесячно. Петиция была опубликована на официальном сайте бундестага и собрала 53 тыс. подписей, Сюзанна Вист стала знаменитостью. С тех пор про «грунд» заговорили все.

На самом деле немецкие политики уже несколько лет вполне серьезно обсуждают возможность такой реформы. «Грундайнкоммен», или, по-другому, «бюргергельд», — это что-то вроде прожиточного минимума, гарантированного каждому гражданину страны, независимо от его занятости, семейного положения и финансового статуса. Идея не новая: нечто подобное предлагали еще в середине XIX века. Позже этим вопросом занимались разные левые экономисты, в том числе американский нобелевский лауреат Милтон Фридман. Его концепция «негативного подоходного налога», которая и легла в основу современной теории «грундайнкоммен»,

выглядит приблизительно так. Сколько бы человек ни зарабатывал, он получает от государства фиксированную сумму, например 10 тыс. в год. Это прожиточный минимум. При этом четверть остальных своих доходов он отдает в казну. Получается, даже если человек зарабатывает четыре прожиточных минимума, он ничего не теряет. И только тот, кто заработал больше 40 тыс., дает государству больше, чем оно ему. Например, человек, заработавший за год 8 тыс., не заплатит налогов вообще, а еще получит от государства дополнительные 8 тыс.: $8 - 2 + 10 = 16$. Предполагается, что при такой системе налогоплательщик будет стремиться заработать эти условные 40 тыс. и постарается на этом остановиться, потому что дальше уже начнутся реально высокие налоги. Пока ни в одной стране эта теория не была проверена на практике.

Дарвин Данте уже несколько лет пропагандирует идею «5-часовой рабочей недели». Его лекции пользуются неизменной популярностью

Так или иначе, если соответствующий закон когда-нибудь будет принят, вместо всех пособий, пенсий, стипендий и льгот (всего 138 видов поблажек) у немцев будет один общий «грунд» — фиксированная сумма, которая позволит любому жителю Германии быть уверенным, что он не умрет с голоду и не останется без крыши над головой, даже если вообще не будет работать. Главный мотив примерно такой же, как у Дарвина Данте: уровень безработицы чудовищный, тем более кризис; в постиндустриальном обществе все делают машины — так много рабочих мест просто не нужно, «пускай работает кто хочет». Если же некая работа настолько неприятна, что ее никто не хочет делать, то такую работу надо либо автоматизировать, либо очень щедро вознаграждать. При этом предполагается, что, упростив систему субсидирования, государство сэкономит на бюрократической волоките и контроле потребностей, — в итоге получится даже дешевле, чем сейчас.

Сегодняшний закон, регулирующий финансирование безработных, действительно несовершенен. «Безработный не может уехать из города — ему нужно регулярно появляться перед чиновниками, — жалуется газета «Цайт». — В Саксонии безработным приходится отделять перегородками часть комнаты, чтобы иметь ровно столько квадратных метров, сколько полагается по закону. В Шлезвиг-Гольштейне социальные работники ведут скрытое наблюдение за своими подопечными, могут спросить ребенка, есть ли у мамы бойфренд, поставить в спальне видеокамеру». Предполагается, что если, отменив все формальности, ввести «грунд», от этого выиграет вся система.

На рынке политических программ Германии сейчас предлагается четыре сорта «бесплатного сыра». Христианско-демократический союз в лице премьер-министра Тюрингии Дитера Альтхауса выступает за то, чтобы платить немецким гражданам 800 евро в месяц, из них 200 автоматически списывать на медицинскую страховку. Зеленые полагают, что взрослый должен получать 500 евро в месяц, ребенок — 400, пенсионер — 700. Свободная партия Германии выступает за негативное налогообложение по Фридману, но фиксированной суммы не называет. Наконец, крупный предприниматель Гетц Вернер предлагает для начала ввести общий «грунд» в размере 650 евро и постепенно повысить его до 1500. Кроме того, он призывает отменить вообще все подоходные налоги и существенно повысить налог на прибыль. То есть, грубо говоря, богатые люди, покупающие дорогие шмотки и технику, будут финансировать тех, кто мало потребляет. Расходы государства при всех этих расчетах должны составить от 600 до 1500 млрд евро в год. Одни эксперты говорят, что эта программа реализуема, другие упрекают ее авторов в манипуляции цифрами.

Гетц Вернер — 63-летний миллиардер, владелец сети аптек DM, отец семерых детей — собирает толпы людей в церквях и на площадях. Вернер пропагандирует «грунд» не просто как вариант пособия по безработице, но именно как проект нового общественного устройства, при котором людям не надо будет думать о заработке. По мнению Вернера, представление о том, что «кто не работает, тот не ест» должно остаться в прошлом.

— Мыслить революционно — действовать эволюционно, — говорит Гетц Вернер в интервью каналу WRD. — На примере сотрудников своей компании я увидел, что успех достигается, только если люди проявляют

инициативу. Не из-за угрозы увольнения и не из-за пряника повышения, а благодаря тому, что видят в работе какой-то смысл. То же самое можно сказать и про общество в целом: оно будет успешным только в том случае, если граждане возьмут инициативу на себя. «Грунд» позволит людям проявить свой творческий потенциал, можно будет где-то подождать, где-то рискнуть. И не надо думать, что люди перестанут трудиться — без этого ведь можно сойти с ума, как сказал Эрих Фромм. Разумеется, останется небольшой процент тунеядцев, которые при таких порядках захотят сидеть сложа руки. Но они и сейчас не работают. Это не столько экономическая революция, сколько революция сознания.

Только в мышеловке?

— А мне не нравится эта идея, — говорит Андрей Трофимов, нищий художник, изобретатель и шаман, давно живущий в Берлине. — Что-то мне подсказывает, что здесь есть подвох. По-моему, это просто способ заставить людей больше потреблять. А заодно сделать их более управляемыми. Конечно, человек, получающий «грунд», будет лоялен — ему страшно потерять свои 600 евро в месяц. И еще я очень хорошо представляю себе, что появится прослойка людей, которым вообще ничего не нужно, — какие-нибудь турецкие дети вообще перестанут учиться, будут только играть в футбол, нюхать кокаин и смотреть телевизор. Мне вообще не нравятся все эти социальные блага, я не раз видел, как люди, которые здесь «сидят на социале», спивались и деградировали.

Впрочем, Андрей — исключение из всех правил и социальных каст, у него нет ни жилья, ни семьи, ни работы, он вообще умеет жить без денег. Другие берлинцы, как правило, говорят об идее «грунда» с мечтательной улыбкой.

— Почему бы и нет? Например, я когда-то учился на часовщика, — рассказывает 50-летний житель Нойкельна. — Но кто сейчас носит механические часы? Мне пришлось стать дизайнером. Сейчас я работаю от случая к случаю — делаю разную полиграфию, брошюры, буклеты. А вообще-то я больше всего люблю музыку. Я и сейчас играю в одной группе, но это мое хобби, тратить на него много времени не получается. А если бы у нас был «грунд», каждый мог бы заниматься своим хобби и быть счастливым. А много счастливых людей — это очень важно для общества. Или, например, женщины, которые сидят дома с детьми, — конечно, их работа должна оплачиваться...

Берлин, конгресс анархистов. Лидер одного из многочисленных левых движений

Тут у меня вдруг пробегает мороз по коже (хотя до сих пор идея мне нравилась): у меня вот, например, тоже есть дети, я их очень люблю, но перспектива сидеть с ними целыми днями, пусть даже получая за это небольшой «грунд», кажется мне неправильной. Однако, похоже, в Германии все к тому идет: «Извините, штатных мест у нас нет, — скажет мне редактор какого-нибудь новостного издания. — Да, с недавних пор у нас работает компьютерная программа, которая генерирует новости и репортажи. Но вы можете жить на "грунд", так будет лучше и вам, и детям. А если вы хотите как-то разнообразить свою жизнь, можете пять часов в неделю поработать у нас волонтером...»

Вообще, «грунд» вызывает много возражений как у левых, так и у правых. Вот список лишь некоторых из них:

— «Грунд» не только не решит проблему социального расслоения, но и усугубит ее. Безработица вообще перестанет восприниматься как проблема, но проблемы безработных останутся. Ведь человек, как правило, связывает с работой свою самореализацию, свою идентичность. Таким образом, четыре с половиной миллиона граждан будут просто выброшены за пределы общества.

— «Грунд» ставит с ног на голову идею социального государства, в котором богатый должен отказаться от

части своих доходов в пользу бедного. В новой системе шофер будет получать такой же базовый доход, как и его обеспеченный шеф. В итоге шеф положит деньги в банк и станет еще богаче, а потом еще и уволит шофера, который так и останется со своим «грундом».

— Понизится уровень дохода работающих людей: понимая, что никто не умирает с голода, работодатель может с чистым сердцем платить копейки. Таким образом, программируется очередная «ловушка бедности». Такой контраргумент выдвигают немецкие профсоюзы. На это сторонники «грунда» возражают, что у рабочих, получающих базовый доход, будет больше времени и сил, чтобы бороться за свои права.

— Мы не справимся с таким количеством мигрантов. Услышав, что далеко на севере есть страна, где дают деньги просто так, в Германию ломанутся толпы беженцев из кризисных регионов. И никакие препятствия их не остановят. Придется ужесточать визовый режим, вводить много запретов, что негативно скажется на общественном климате.

— «Грунд» — это лоббистский проект частных пенсионных фондов. Сколько бы человек ни работал, пенсия у всех одинаковая — где справедливость? Люди начнут сами себе откладывать деньги на черный день, и выиграют от этого только частные пенсионные фонды.

Но главный, основополагающий, можно сказать, религиозный вопрос, который лежит в основе всей дискуссии, — это, конечно, вопрос о свободе, ответственности и предназначении человека. Правда ли, что люди могут работать только из-под палки? Захотят ли они развиваться, получать образование, осваивать новые навыки, понимая, что можно прожить и без этого? Воображение рисует самые разные сценарии общественного развития: от античного полиса или элитарной Касталии, где всю работу на себя возьмут гастарбайтеры, в то время как «белые люди» будут заниматься философией, игрой в бисер и свободным искусством, — до коммунистического рая, где все вкалывают по собственной воле, а идея труда насаждается сверху как культурный императив.

Недавно в онлайн-приложении «Цайт» был опубликован опрос, где молодые люди — художники, журналисты, музыканты — отвечали, что бы они стали делать, будь у них свободные 1 тыс. евро в месяц. Все опрошенные сказали, что они бы точно не бросили работать, даже наоборот: выпустили бы больше пластинок, сняли бы много хороших фильмов. «Возможно, я стал бы более придирчив в поиске места, — говорит библиотекарь из Франкфурта, — я бы работал только с теми людьми, которые мне симпатичны».

Но люди не всегда поступают так, как говорят. В 60-е годы в Америке ученики Милтона Фридмана проводили эксперимент по негативному налогообложению: одни семьи в течение пяти лет получали «бесплатный сыр», а другие — нет. «Мы ожидали, что, увидев явные преимущества по сравнению с традиционной системой, люди начнут тратить еще больше усилий, чтобы разбогатеть. Но, к нашему удивлению, все оказалось наоборот: люди стали работать существенно меньше. Мужчины снизили свою активность на 5–7%, женщины — на 10–14%, а школьники — и того больше... Наверное, многие и вовсе бросили бы работу, если бы не понимали, что это всего лишь эксперимент...» — цитирует «Цайт» воспоминания одного из учеников Фридмана Гарри Берглесса.

В любом случае понятно, что эту тему еще надо исследовать и, возможно, немецкая реформа будет одним из самых интересных экспериментов в области социологии труда. Как-то в передаче «Школа злословия» знаменитые дрессировщики братья Запашные рассказывали о «социологии труда» у тигров и львов. «Среди животных любят работать только чудачки», — утверждают они. Нормальные звери, как правило, занимаются работой без отвращения, но и без энтузиазма. Когда репетиция заканчивается, они с удовольствием уходят обедать. И лишь некоторые странные особи — как правило, выросшие в цирке без родителей и очень сильно привязанные к дрессировщикам, — с увлечением продолжают работать в манеже. Если немцы все-таки введут у себя «грунд», мы узнаем, насколько человеческое поведение отличается от нравов животного мира.

Автор: Юлия Вишневецкая,
фотографии автора

© Русский репортер ОБЩЕСТВО, МИР 2761 08.07.2009, 15:22 442

URL: <https://babr24.com/?ADE=79213> Bytes: 25800 / 25033 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:
- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Юлия
Вишневецкая,**
фотографии автора.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)